

— † Пролог † —

Иногда бывают дни, когда тебе кажется, что ты все-таки настоящий счастливчик. Такому ощущению могут предшествовать сутки, недели и даже годы неудач. Но в один миг все начинает складываться каким-то сказочным образом, словно чьи-то невидимые добрые руки подхватывают твоё отяжелевшее от тоски и безысходности тело и относят туда, где тебя ждет уверенность в завтрашнем дне. Именно этой самой уверенности у него не было долго-долго, возможно, всю жизнь. Тридцать два года, как тридцать два зуба, — сначала выпадающие молочные, которые можно не заметить и проглотить, затем тупо ноющие и иногда доводящие до хирургического кресла зубы мудрости... А в итоге — ни мудрости, ни приятных воспоминаний из детства. Серая каша обрывочных желаний и глупых надежд.

Он стоял на железнодорожной платформе Электрозаводская в сторону Раменского. Дождь хлестал во все стороны, и казалось, что ветер сошел с ума, потеряв свое направление. Но дурацкая погода никак не влияла на его настроение: сегодня должен быть удачный день, и до начала светлой полосы всего-то несколько километров. Электричка издалека моргнула ярким фонарем

и присвистнула. Потоки воды, льющиеся с неба, в один миг стали яркими, как хвост пронсящейся со скоростью света кометы. Желаящих отправиться в пусть даже небольшое путешествие в пределах Москвы не оказалось. Он в одиночестве запрыгнул в тамбур и скинул капюшон, разбрасывая капли во все стороны. В вагон заходить не хотелось, да и не было надобности. Выходить через какие-то пять минут. «Следующая остановка — Сортировочная», — прошипел машинист, и автоматические двери захлопнулись. В тамбуре стало тепло и даже уютно.

Мрачная серость мегаполиса словно пыталась раздавить электричку, сплющить ее тоннами льющейся с черного неба воды. Он натянул капюшон, по привычке потер кончик носа костяшкой указательного пальца и улыбнулся. Полгода в завязке, вполне вменяемый докторишка, который поначалу не внушал доверия. Но родители делали все, чтобы вытащить сына из ада, в котором было не хуже, чем в реальной жизни. Там — не хуже. Именно эти мысли и заставляли его возвращаться туда еще и еще раз. Но этот докторишка не внушал ничего. Просто объяснил, почему там все-таки хуже, чем здесь. И впервые за много лет он решил хотя бы попробовать поверить. «Сортировочная», — снова прошипел машинист. Пара шагов — и он снова в стопроцентной влажности, пробирающей до мозга костей. В «Телеграм» пришло сообщение, что встреча будет в необычном месте. На путях между платформами Сортировочной и Перово-4. Он с детства обожал поезда и с радостью согласился. В этом прогнившем мире не осталось оригинальных людей. Всех интересуют только деньги. Его деньги тоже когда-то интересовали, но потом они стали лишь звеном на пути к заветной дозе. Полгода без доз, полгода без денег. Родители выдавали только на сигареты. Прямо как



в детстве. Никогда не поздно начать все сначала. Это не стыдно. Это похвально. Так говорит докторишка.

Он стоял на условленном месте и курил. А если встреча сорвется? Тогда что? Он почувствовал, как начинает нервничать, и сжал сигарету зубами. Никто не знал, что у него всегда за пазухой была фляжка с каким-нибудь спиртным. Обычно водкой. Сейчас она так же грела его сердце, незаметно булькая и сохраняя тепло человеческого тела. Он сунул дрожащую руку за пазуху и вытащил свое сокровище. Несколько глотков обожгли горло, но сразу же стало тепло и спокойно. В один миг. Никакие таблетки никогда не совершат такое чудо. Он снова закурил.

Мимо пролетела электричка в сторону Казанского, обдав его струей мелких брызг. Сигарета погасла. Фонари отбрасывали тени, и болезненное воображение рисовало картины, как призраки гуляют под дождем, собирая потухшие бычки вроде того, что он сейчас бросил на рельсы. Вокруг не было ни души, вдалеке снова показались огни приближающегося поезда. Судя по звуку, который он протяжно издавал, это товарняк. Когда-то он хотел проехать на товарняке от Москвы до Питера. Это было вполне реально, но практически все его мечты остались лишь мечтами. Фонарь во лбу поезда приближался и завораживал. Уже можно было различить огромную черную голову, извергающую равномерное пыхтение. Ветер стих, словно весь воздух засосала надвигающаяся глыба. Это было похоже на цунами: сначала вода уходит далеко в море, оголяя внезапно открывшееся дно, а затем с новой разрушающей силой возвращается, уничтожая все на своем пути. Он смотрел, прищурившись, на приближающийся состав как завороченный, ожидая резкого порыва ветра. Тело инстинктивно тянулось назад, подальше от рельсов. И вдруг он почувствовал спиной чье-то присутствие.

— Господи! Ну ты умеешь удивить! Зачем пугать-то так?

Страх очень быстро сменился приятным теплом от сбывшихся надежд и предвкушением веселого вечера. Друзья давно отвернулись от него, а те, с кем он делил иглу, сейчас или на кладбище кормят червей, или объявлены в бессмысленный розыск как пропавшие без вести и, возможно, прямо сейчас делают свой последний вдох на мусорной свалке.

— Это что? — спросил он, принимая в руки подарочную коробку. — Это мне?

Он ощутил одновременно азарт, волнение и особое щемящее чувство, когда получаешь то, чего, как всегда считал, был недостоин.

— Ничего себе... — прошептал он, снимая крышку.

Испуг, отвращение, восхищение. Именно эти эмоции могут возникнуть, когда ты видишь то, что увидел в коробке он. Улыбка продолжала играть на его лице в момент, когда он коснулся кончиками пальцев своей смерти.



МОСКВА

Следователь СК Денис Бухарин перешагивал рельсы, очередной сильный порыв ветра едва не сбил его с ног. На железнодорожных путях недалеко от станции Сортировочной было ветрено, поэтому оперативники кутались в капюшоны, кепки и что у кого было.

— Что у нас? — спросил Денис.

— Парень, лет 30–35. Никаких следов насилия. Если что-то будет, скажу позже, — ответил криминалист Матвей Егоркин.

— А Камаева могла сразу, — буркнул Денис.



Криминалист нервно поправил очки и едва заметно покраснел.

Денис подошел к телу, накрытому простыней, сел на корточки и откинул ткань в сторону. Всматриваться в лица покойников Бухарин привык давно. Иногда на них можно увидеть застывшие эмоции, иногда — безнадёжность, иногда — ужас или муки. Сейчас же картина была похожа на кадр из какого-нибудь дешевого триллера. Белочная оболочка в глазах была кроваво-красной. Бухарин профессиональным взглядом окинул мертвого парня и быстро вернул простыню на место.

— Документы? — спросил Бухарин, сглотнув слюну и отойдя в сторону.

— Нету. И мобильника нет, — ответил Кротов, напарник Бухарина.

— Есть! Нашел! — слышалось сквозь гул проводов.

Через рельсы перепрыгивал пухлый полицейский, вскинув короткую руку вверх.

Бухарин потер виски и слабо ухмыльнулся.

— Сегодня все работают на удивление шустро. А это что такое? — Денис увидел присевшую над трупом женщину. — Эй!

Женщина в оранжевой болоньевой куртке не обратила внимания на окрики и как будто шаманила над мертвецом.

— Твою мать! — Бухарин резко схватил ее за плечо. Женщина обернулась.

— Камаева?! Ты что тут делаешь? У тебя декрет!

Женщина серьезно посмотрела на Бухарина, ничего не ответив, и только кивнула на погибшего.

— Что?

Денис бросил взгляд на труп, затем на Камаеву.

— Смотри сюда.

Камаева указала, не дотрагиваясь до трупа, на кисть. Бухарин присел на корточки и прищурился. На левой ладони были едва заметные волдыри.

— А теперь посмотри на правую. А именно — на кончики пальцев.

Денис выгнул шею и бросил взгляд на правую руку мертвого парня. На кончиках пальцев также обнаружили небольшие волдыри. Камаева смотрела на Бухарина строгим взглядом, от которого ему всегда становилось стыдно. Она относилась к работе серьезно — как никто другой.

— Ожог?

— Возможно. Детально надо изучать. Больше всего меня волнуют его глаза. Субконъюнктивальное кровоизлияние. Просто адское какое-то.

— Пряма как томатный сок вкачали. Но все-таки, Камаева? Тебе ж, поди, малюго кормить надо, чего ты ша-сташь тут?

— С ним сестра сидит. А я вышла выгулять Монса. Бухарин оглянулся.

— И где Монс?

Камаева улыбнулась и кивнула в сторону полицейских, оцепивших территорию. Один из них держал на поводке маленькую собачку и что-то ей говорил.

— Вали отсюда, — нежным шепотом сказал Бухарин.

Камаева быстрым шагом пошла в сторону полицейского с собакой, а Бухарин ответил на звонок по мобильному.

— Да, милая. Конечно, буду. Я помню. Важный ужин у твоего отца с важными людьми. Да. Слушай, меня тут дергает Кротов, у нас труп, да. Счастливо, целую.

Бухарин отключил мобильный и вздохнул.

— Кротов, говоришь, дергает?

Бухарин обернулся:



— Подслушивать нехорошо, тебя не учили, Крот?

Кротов был младшим следователем и работал в паре с Бухариным. Он всеми силами хотел походить на своего напарника, обожал его и всячески прикрывал.

— Предстоит тяжелый вечер?

Бухарин криво улыбнулся.

— Слушай, Дэн, зачем ты женился на Вике? — внезапно спросил Кротов.

— Чего?

— Ну правда.

Порыв ветра сорвал простыню с трупa, когда его проносили мимо следователей.

— Потому что это логическое завершение отношений двух любящих людей.

— Завершение? Или продолжение?

— Пошел ты... Чего к словам придираешься? Вали в участок бумажки заполнять. Психолог чертов.

Бухарин увидел, как Камаева, не оборачиваясь, перешагивала со своей собачкой рельсы, удаляясь прочь от места трагедии, которая могла оказаться несчастным случаем, самоубийством или даже убийством.



САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ася стояла у порога их квартиры с Олегом. Уютная однушка на «Беговой», которая ей очень нравилась. Из окна весенней голубизной подмигивал залив, и было приятно пить утренний кофе, глядя на бесконечно красивый и никогда не надоедающий пейзаж. Море всегда было частью ее жизни, с самого детства. Хотелось бы, чтобы и конец также был связан с ним. Ася тряхнула головой, отгоняя мысли.

Перед ней лежал рюкзак, в который она собрала все свои пожитки за почти десять лет в Питере. Судя по размеру рюкзака, немного она нажила за последние годы. Да и квартира была вовсе не их общая, а Олега. Точнее, его родителей — продвинутого психотерапевта и не менее продвинутой завкафедрой психологии местного университета. Олег в предков не пошел, окончил юрфак и перекладывал бумажки в какой-то нотариальной конторе. Ася так и не поняла, нравится ему или нет каждое утро вставать в семь утра и к восьми тащиться в то же самое место перекладывать те же самые бумаги, только с новыми именами. Когда она задавала ему этот вопрос, Олег сразу же задавал ей свой:

— А тебе нравится стряхивать пыль с костей мамонтов за сто рублей в своем университете?

— Я уволилась, — недавно ответила ему она.

Олег с удивлением посмотрел на Асю, она же просто вытащила сигарету из пачки и пошла на балкон. Ася пристрастилась к курению, чем еще больше раздражала Олега, завсегдатая фитнес-клубов и домашних матчей «Зенита». Что их держало вместе, она не понимала. Все считали, что для нее, девочки из Выборга, городка в 75 тысяч не особо удачливых (по мнению Олега) жителей, он, Олег, — очень удачный вариант. А вот для него она, Ася, — наоборот. Человек без цели, но с долей нездорового фанатизма.

Закончилось все почти внезапно.

— Ася. Я тут с папой говорил...

Олег откашлялся.

Эти слова, ничего хорошего не предвещавшие, застали Асю в момент, когда она, возвращаясь вечером домой с очередного собеседования, вошла в комнату. Когда Олег кашлял, Ася напрягалась. Это означало, что сейчас будет сказано что-то, что понизит ее пуще прежнего по шкале перспективных невест (людей).



— Ты не хочешь сходить на прием? Ну, не к папе, а к его знакомому? Неплохой спец, не такой, как папа, но тоже крутой.

— Какой прием?

Ася развернулась в кресле к Олегу. Последнее время она не любила разворачиваться к нему лицом.

— Терапевтический. Поболтаете, то-се...

— Зачем?

Олег опять кашлянул, и Асин страх сменился раздражением.

— Ты считаешь, что я псих?

Олег присел на край кровати.

— Ась, швырнуть в потенциального начальника папкой... Ну, куда ни шло. Но попасть ему целенаправленно в лицо...

Когда нужно было, Олег становился очень корректным. Это был его несомненный плюс. Но Асю почему-то эта корректность раздражала больше всего. Все положительные черты Олега для нее стали отрицательными. Может, она на самом деле псих?

— Я где-то слышала, что психотерапевты не отличаются от своих пациентов. Ну, скажем так, они являются их отражением. Понимаешь, о чем я?

— Ты хочешь сказать, что мой отец — псих? Заслуженный врач России?

— А что, заслуженные врачи России не могут быть психами?

Олег стиснул зубы, пытаясь не сорваться.

— Конвергенция. Разные типы животных становятся похожими, потому что живут в похожих условиях и ведут похожий образ жизни. Птицы и летучие мыши. Змеи и черви.

Олег помотал головой, выдавив из себя ухмылочку. Ася демонстративно не обращала внимания на ре-

акцию своего бойфренда. Она села на стол и стала болтать ногами.

— Помнишь, мы смотрели фильм «Психоаналитик» с Кевином Спейси?

— С пидором тем? Которого еще из Голливуда поперли?

— С хорошим актером Кевином Спейси. И не было доказано, что он приставал к тому массажисту.

— Ты хочешь сказать, что мой отец — такой же нарик, как тот психолог? Это хочешь сказать? Пошла отсюда ...!

Ася помедлила, затем медленно съехала со стола. Выходя из комнаты, она подумала, что Олег никогда не крыл матом. А сегодня ей понравилось, что он выругался. Она все-таки псих.



Денис подъезжал к башне «Федерация», когда его отвлек звонок начальника, Леонида Игнатъича Шмелева. Удивительно, как настолько принципиальный мужик задержался на таком месте, но факт оставался фактом. Денис любил Игнатъича больше собственного отца именно за принципиальность, которой не хватало ему, Денису Бухарину. Денис включил громкую связь.

— Игнатъич, здравия желаю. Ты по поводу жмурика сегодняшнего с Сортировочной? Есть любопытные мыслишки.

— Я не за этим. Тут твой тесть... кхе-кхе... Звонил.

Денис стиснул руль и почувствовал, что готов вырвать его из нутра автомобиля к чертовой матери.

— Денис, ты тут?

— Тут.

— Просил, чтобы мы тебя сегодня не задерживали шибко. Там у вас ужин какой-то.

— Я приеду в участок.



— Денис, я тебя понимаю. Но в некоторых случаях лучше не биться головой о стену, если вошел не в ту комнату. Проще выйти.

Бухарин улыбнулся и почувствовал, что понял намек мудрого человека. Отключив звонок, Бухарин припарковался и откинулся на кресле. Через два часа нужно быть у тестя, предварительно потренировавшись напяливать лживую улыбочку на физиономию. Два года назад Бухарин вошел не в ту комнату. Хорошо выразился Игнатич. Вошел и вместо того, чтобы выйти, просто бьется башкой о стену, как рыба об лед. Но у рыбы нет шансов, она слишком тупа, чтобы допрыгать до проруби. Но он-то, Бухарин, не так глуп. Или все-таки?..

На улице по-прежнему дико дуло, и Денис, закутавшись в плащ, побрел в свое логово, которое располагалась в башне на самом верхнем этаже. Здесь он отсыпался от бесконечных дежурств вместо того, чтобы ехать домой к жене, и сутками мог смотреть сериалы и читать книги. Или беспробудно пить все подряд: виски, джин, текилу, а потом еще несколько суток валяться на полу в туалете, в периоды сознания отсылая Вике СМС с текстом «Милая, я в Саратове. Мы работаем под прикрытием. Люблю» или «Лапочка, сегодня с Кротом на неделю отправили в дурку, дежури́м около палаты министра, приказ сверху».

Самое страшное, что Вика верила во всю эту чушь собачью. Не верил только тесть, который отлично понимал разницу между оперативником и следователем и знал, что второй точно не выполняет подобные полевые задания. Тесть терпел Бухарина лишь из любви к дочке. Во всей этой истории главным была любовь. Любовь из сострадания, жалости и безысходности. У каждого своя.

— Когда твой папаша перестанет лезть в мою работу? — прокричал он в трубку.